

70 -летие театра имени Евгения Вахтангова. Пришло на не лучшее для отечественной культуры годы. На дворе, как в далекие 20-е годы, когда спектаклем «Чудо святого Антония» открылся театр Третьей Студии МХАТ, несны и невелико.

А вахтанговцы сыграют свою бессмертную «Принцессу Турандот» тем соавтом, что стал следом за своими учителями легендарными: Юлия Борисова, Юрий Яковлев, Михаил Ульянов, Александр Граве, Алексей Кузнецов, Василий Лановой, Нина Нехлопоченко... И непосредственно в день юбилея, 13 ноября, не фанфарами, а острым и веселым капустником вмахнувшись и бездорожью нашего нынешнего бытия. Словом, как всегда, этот удивительный театр подарит людям незабываемый праздник, вселит надежду, зарядит юмором, без которого не выжить и не удержать чувство самоуважения...

Со дня рождения по сегодняшний день театр имени Вахтангова бомбил в прямом и переносном смысле этого слова.

От него требовали шагнуть в идеологическом авангарде по пересеченной местности социалистического рая. И театр славил революцию и даже впервые вывел на сцену актера в образе великого вождя революции («Человек с ружьем»).... Но ни один из этих спектаклей не был, малохудожественной поделкой. Режиссеры А.Попов, Б.Захава, Р.Симонов создавали оценочные шедевры, актеры В.Щукин, Р.Симонов, И.Толчанов, Е.Алексеева удивляли мощью, глубиной и заразительностью характеров.

Рядом с этим празднично, окруженный влюбленными зрителями всех возрастов, жил театр высшей классики, умевший, как завещал Вахтангов, «выразить трагедию в комическом и комедию в трагическом, музыкально чуткий к любым проявлениям театральной формы: театр Горького («Егор Булычов и другие» с В.Щукиным и Ц.Мансуровой), Ростана («Сирано де Бержерак» с Мансуровой и А.Мансуровым в авлажной роли), Шекспира («Много шума из ничего», «Два

веронца» с Ю.Любимовым, Ц.Мансуровой, Л.Целиковской и Ю.Борисовой)...

В годы войны здание театра было разрушено бомбой, убит стоявший на дежурстве замечательный артист Василий Куза...

То были годы огромного притяжения публики к театру имени Вахтангова. Шли смотреть Михаила Астангова сотоварищи в спектакле «Перед заходом солнца», невероятного, неожиданного Ни-

ской личности в «Насмешливом моем счастье», изящными шалостями польского водевиля «Дамы и гусары» и веселыми и трагическими парадоксами второго возобновления «Принцессы Турандот». Публике открылось мощное актерское явление — Юрий Яковлев. Он был истинным А.П.Чеховым и старым кавалером Майором, и прославленным Панталоне (половина театральной Москвы пыталась рассказывать

поспешили назвать здание на Арбате, 26, «саркофагом редкостных талантов». Однако явно потропились. Театр выжил в безвременье и сохранил свое лицо.

11 апреля 1922 года великий учитель, уже смертельно больной Евгений Вахтангов, в беседе с актерами и учениками Третьей Студии МХАТ сказал: «В театре не должно быть ни натурализма, ни реализма, а должен быть фантастический реализм». Это озна-

спектакле... Нынешний театр имени Вахтангова борется за сохранение своего художественного направления.

Театр спасается прежде всего важнейшим из качеств его нынешнего лидера, Михаила Ульянова: он любит актера, заботится о нем, ищет репертуар для тех, кто украшает сегодняшнюю афишу театра. Сам при этом играет мало — всего две роли в репертуаре, что в высшей степени нерентабельно. Тот же

Ульянов мучительно и скрупулезно ищет режиссеров, способных услышать и заставить звучать по-новому музыку вахтанговской души. А это дано не каждому талантливому постановщику. Было время — надеялись на Романа Виктюка. Он поставил беспорочно по-вахтанговски «Анну Каренину» и «Уроки мастера» (спектакль, явно недооцененный в годы, когда казалось еще запретным открывающим показывать неприглядные стороны жизни вождя). Но Виктюк ушел к своему театру, ни в чем не похожему на вахтанговский.

Очевидно и бесспорно талантливый А.Кац не сумел войти в стиль и дух театра, и все «Мартовских» хочется говорить скорее о несомненном успехе М.Ульянова в роли Цезаря.

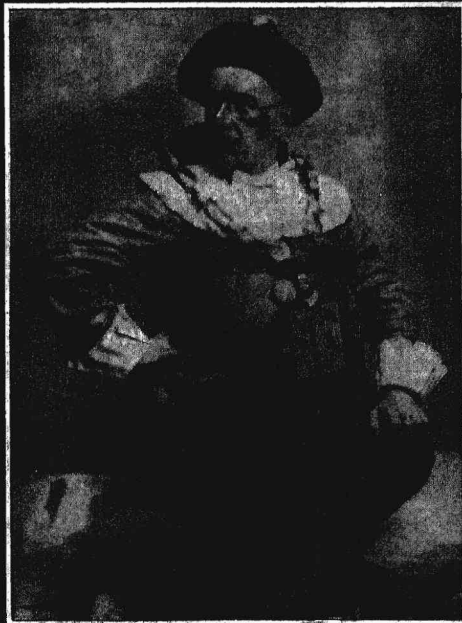
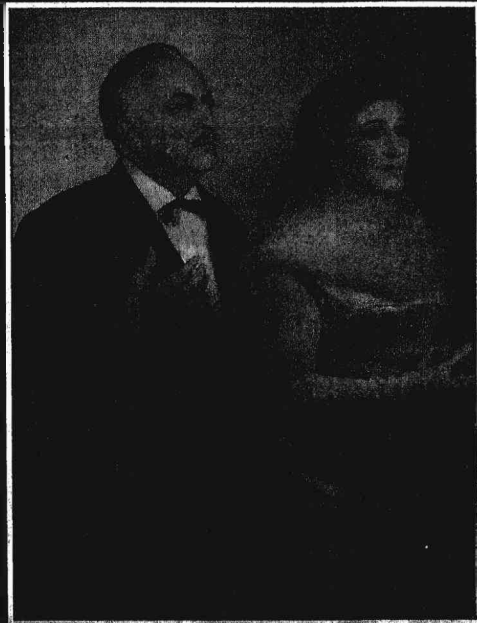
Трудно сходились вахтанговцы и с Петром Фоменко, уже сложившимся мастером со своими принципами и неуступчивым характером. Было время, когда казалось, что и этот роман останется без продолжения. Но взаимное притяжение победило стримфальным результатом — постановкой «Вся вина виноватых» Островского, удостоившей зрительских восторгов и Государственной премии России.

Следующая победа — «Пиковая дама» Пушкина — повесть, которая обрела яркую, истинно фантастическую реальность. На сцене, при этом не утратив ни единого слова пушкинской «золотой фразы».

Сам факт оложного обпркосновения талантливых режиссеров с вахтанговской природой искусства — свидетельство неуемного духа театра. Он снова удивляет мир соборным трудом актеров, групп художественных заговорщиков. Долгия вам лета, мои вахтанговцы!

Александр КРАВЦОВ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЗАГОВОРЩИКИ С АРБАТА



колая Гриценко и молодую Юлию Борисову в спектакле-долгостеле «На волотом дне», заодно с автором пьесы Эдуардо Де Филиппо восхитились Цаццил Мансуровой и Рубеном Симоновым в «Филумене Мартурандо», поразились могучим актерским ансамблем нескольких поколений в «Фоме Гордееве»... Казалось, у этого театра нет и быть не может «проходных» спектаклей — все обречено на зрительское внимание и успех.

В одно и то же время сцена вахтанговцев наполнялась глубокой и духовной тонкостью чехов-

анекдоты в «маске» Яковлева). Время, которым не принято хвастаться в театре, я бы не стал так уж списывать со счетов. В годы руководства Е.Р.Симонова мы увидели, например, «Антония и Клеопатру» с блистательными работами М.Ульянова, Ю.Борисовой, В.Ланового. По сей день живет на вахтанговской сцене постановка Симонова-сына «Три возраста Казановы».

Годы, выпавшие на долю театра после его невольного ухода, оказались едва ли не самыми опасными для здоровья и даже жизни труппы. Скупитки уж было

чело, что даже предметы быта должны обрести черты искусства посредством творческого воображения режиссуры и актеров. Это означало, что актерам надо прятать от зрителей своего мастерства, поскольку и оне — фактор эстетический, влияющий на чувства публики и имеющий все права присутствовать на сцене вместе с жизнью персонажа. В руках настоящего мастера и пифос — достоинство, а не грех, как утверждал Вахтангов. А главное: театр без театральности — ведь зрители ждут праздника, даже зная, что прольют слезы на